

дит итог многовековым спорам об исламе, о миссии пророка Мухаммада. Башкирская стрела, пущенная когда-то Гёте (в случае, описанном Иоганном Петером Эккерманом), видится мне сегодня одним из символов диалога культур, в котором даже оружие обретает иной — гуманитарный — смысл, превращаясь в «стрелу времени», устремленную в будущее.

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Ночной принц. Сост. Е. Б. Белодубровский, Д. К. Равинский. СПб.: Реноме, 2018. — 288 с. — (Серия «Санкт-Петербургская фантастика Серебряного века»).

В книге собраны малоизвестные, порой забытые даже литературоведами произведения писателей Серебряного века: С. Ауслендера, А. Иванова, А. Измайлова, И. Лукаша, С. Михайлова, А. Рославлева. Объединены они темой «петербургской фантастики». О специфике этой фантастики, связанной с ирреальной атмосферой города, спроектированного на редкость рационально, размышляют во вступительной статье «Город снов и туманов» составители сборника Е. Белодубровский и Д. Равинский. «...Снова и снова разные поколения петербуржцев убеждены: только здесь, только в этом странном городе могла явиться Германну тень старой графини, только здесь мог разгуливать по улице нос майора Ковалева, только здесь, в клубке метелей, могли повстречаться в новогоднюю ночь персонажи „Поэмы без героя“». Особая аура города, пропитанная мифами и легендами, породила особую литературу, «петербургскую фантастику», у истоков которой стоят Пушкин и Гоголь. Именно они, констатируют составители, первыми ощутили Петербург не только как величественный город, столицу империи, «окно в Европу», но и как духовный феномен, как тайну, манящую и неразрешимую. И все XIX столетие фантазмагория Петербурга находила отражение в литературе, особо глубоко и остро ощутил иррациональную сторону Петербурга Достоевский. Серебряный век, отмечают составители, породил особое отношение к Петербургу, доселе считавшемуся мрачным и казенным, благодаря мирискусникам в 10-е годы XX столетия была заново открыта красота Петербурга. Можно найти различные объяснения фантастической стороны жизни Петербурга: особое энергетическое поле, уникальные метеорологические условия, порождающие особую атмосферу, следствием которой и являются события необычайные. «Петербургскую фантастику» составители определяют как литературу, находящуюся на грани между фактом и вымыслом, никогда не относясь всецело ни к тому, ни к другому. Петербург — это город, где, если верить С. Ауслендеру, «камни мостовых, стены старых домов, площади, дворцы и церкви много таят в себе загадочных, странных историй. Страшные преступления, прекрасные подвиги совершались здесь когда-то. Никто не знает, что было, как было». В представленных рассказах происходят события странные, жутковатые и забавные, но определяющие судьбы героев. Приключения поджидают любого из героев из-за каждого угла, изгиба набережной, подъезда, фонарного столба, полицейского участка. Таинственный незнакомец причудливым образом помогает мучимому эротическими видениями юноше пройти инициацию; ясновидец и магнетизер, аналог Калиостро, спасает от опалы молодого поручика, ставшего невольным свидетелем того, как фрейлина Нелидова запустила золоченую туфельку в Павла I; призрак Суворова преследует старика, только что получившего телеграмму о гибели сына на фронте; повстречавшийся с Германном карточный игрок Соколовский после попытки отыграться угрождает

в сумасшедший дом; колдовской стереоскоп погружает героя в Петербург его детства, мертвый город, населенный призраками людей; история черной треуголки позволяет проследить перипетии судьбы Ломоносова. И всегда воскресают в призрачном очаровании былой Петербург и его обитатели, подробности их быта, стиль отношений. Подробные комментарии проливают свет на судьбы писателей. И понятно, почему так долго не печатали произведения С. Ауслендера (1886—1937, 1943?), сын народовольца, не принявший революцию, был обвинен в антисоветской агитации и пропаганде и приговорен к расстрелу. И почему неизвестным оставался И. Лукаш (1892—1940), писатель, воевавший в Гражданскую войну в армии А. Деникина, эмигрант, друг и соавтор В. Набокова. Биографии делают понятным и выбор тематики авторами. Так, А. Рославлев (1883—1920), всем сердцем революцию принявший, является автором рассказа «Ангел Литовского замка», где ночами Ангел с крестом сходил с кровли тюремной церкви и обходил в тюрьму, а согласно легенде, в день, когда Ангел уронит крест, все выйдут на свободу. Литовский замок, городская тюрьма в 1822—1917 годах, был сожжен в феврале 1917-го. В пожаре забыли в одиночке политзаключенного, ему Ангел предложил сложный выбор — спасти тело или душу. Рассказ А. Измайлова (1873—1921) «Букинист» отражает интересы автора, библиофила, тяготеющего к мистике. «Тайна и сегодня скрыта в старых зданиях, прямых улицах, горбатых мостиках и памятниках на пустых площадях», — уверены составители. Может ли быть иначе? Если верить И. Лукашу (рассказ «Черт на гауптвахте»), однажды князю Андроникову, ротмистру Его Величества лейб-драгунского полка, удалось словить на улицах города черта и доставить его в казармы, где черт вырвался из рук князя. Ловили уже все: «Князю видать, а драгунам не видно. Но ежели начальство видит, значит, черт есть». Посадили черта на гауптвахту и отправили рапорт командиру полка, принцу иностранных кровей. «Полагаю, ежели бы в эти дни командовал полком русак, понимающий наш причудливый русский дух, вышли бы из всей этой истории совершенно другие последствия». А так «рапорт вернулся в казарму с такой надписью принца: „Черта немедленно выпустить, а князя Андроникова немедленно посадить на его место, до вытрезвления...“ Так черт и ушел. Так и гуляет снова в Санкт-Петербурге...»

Налет на Олимп: Проза и стихи. СПб.: Северо-Запад, 2018. — 164 с. — (Серия «Петраэдр»).

Среди авторов сборника авторы из разных уголков России, стран дальнего и ближнего зарубежья, именитые и малоизвестные. Почти две трети из них — питерцы. Посвящен сборник отражению античности в современной литературе. В предисловии А. Гушин предрекает: «...тот, кто внимательно прочтет произведения авторов из этого сборника, прозаические и стихотворные, поразится, насколько широко античные аллюзии вошли в сознание современного человека». И дело не только в том, что именами античных богов названы многочисленные фирмы, предприятия и художественные организации, торговые бренды. Олимпийцы с их человеческими страстями понятнее, чем другие, наследующие им боги. Да и писать об олимпийских богах «безопаснее, чем о героях действующих мировых религий в подобном фривольном ключе — обретешь неприятности и проблемы. Но на Олимп сегодня совершенно безнаказанно можно совершить литературный „налет“, — иронично замечает А. Гушин. А в мире греческой мифологии авторы действительно чувствуют себя настолько вольготно, что могут полностью погрузиться в него, как А. Илин: «В открытом море Одиссей, / Тесей блуждает в лабиринте, / спасает пением Орфей, / и Феб скорбит о Гиацинте»; «За прекрасной Афродитой / грациозные хариты, / смех рассыпав по лужайке, / пробегают дружной стайкой, / и в кругу друзей-повес / веселится бог Гермес. / Нанектарившись не в ме-

ру, / Зевс поругивает Геру». Или создать сценарий короткометражного фильма, в котором выясняют отношения повзрослевший Эрот-Купидон и его мать Афродита-Венера (М. Амфилохиева «Эти недетские игры»). А могут и поместить олимпийцев в современность, с юмором повествуя об их приключениях. Как это сделала Э. Воробьева в рассказе «Зеофилактес Попаданис», где в комнату хозяина с выигранной по лотерее картины с невнятным воем, словно по ту сторону картины ему отвесили пинка, вывалился завернутый в белую простыню гость с кудрявой головой и крылышками на спине. Вкусив благ цивилизации, попутно научив дворовых гопников вещать высоким поэтичным стилем («встаньте, герои двора, разомните застывшие члены...»), назад возвращаться он явно не хочет. А в рассказе А. Ветлугиной и Д. Максименко «Триумф № 8» олимпийские боги ведут свой блог, борются с антивирусом, Гермес интересуется, можно ли приносить жертвы криптошекелями, Афродита — конкурсами красоты и модами, а Зевс делает глубокомысленные заключения: «Нет, человечество скучно, но любопытен биткойн». Есть сюжеты и реалистические, как в рассказах Г. Арслан, где юные героини только-только вступают в жизнь; или в рассказе Т. Берцевой «Было — не было», героиня которого, прибыв на ботаническую конференцию в Салоники, в одиночестве совершает восхождение на Олимп. Характерно, что при изобилии фантазийных сюжетов совершенно не представлена научно-техническая фантастика. Авторам интересует человек: проблемы выбора, поиск стержневых опор в неустойчивом, хрупком мире. В лавке страхов (Б. Аск «Лаборатория страхов») есть и флаконы с эссенциями страхов (смерти, одиночества, бездетности, бедности, многодетности) — их покупают, чтобы сделать зло ближнему своему, — и бутылочки с положительными эмоциями. «Мы открыли лавку для приема страхов и обмена их на радость. Но люди не хотят радости. День изо дня все идут, чтобы прикупить страхов. И это притом, что радости мы раздаем бесплатно». И все-таки торговцам-мудрецам удастся изменять злые желания на добрые. Как? Это и есть содержание рассказа. Будущую судьбу спящему человеку выбирают муза, маленькая изящная особа, и крылатый юноша такого же «игрушечного» роста с золотисто-желтыми кудряшками и блестящим нимбом вокруг головы (Т. Минасян «Ангел и муза»). Спор идет о том, что предпочтительнее: риск и действие, к которым подталкивает муза, или покой и осторожность, за что выступает ангел, желающий уберечь своего подопечного от возможных трудностей и проблем в будущем. За юмористическими диалогами — столкновение двух мировоззрений. Апокалипсис в Москве: упавшая Боровицкая башня, рушащиеся эстакады, клубы черного дыма, замерзшая река (А. Тойгер «Око»). А все потому, что при установке арт-инсталляции на одном из зданий «Москва-Сити» невинная игра света и тени породила монстра, «Око Саурана». Сработал принцип: «Мироздание отвечает на четкие запросы», хотел врага, его и получил. Спасти мир помогла перезагрузка, другой четкий запрос пришел из книги «Русские народные сказки». Эффект: «Над городом поднимались столбы дыма. ...Миллионы уцелевших граждан выходят из подвалов и подземных переходов... и смотрят вверх — туда, где на уровне туч плывет по небу сияющий силуэт былинного всадника в латах и шлеме. Копье в руках всадника устремляется вверх, и там, на острие, ярко-красным червем извивается пронзенный огненный змей». У Анастасии Влади (Asienka) в рассказе «Последний день Олимпа» действие происходит на гибнущей космической станции «Олимп». Последняя блогерская запись девушки, попавшей под «сокращение», то есть приговоренной к уничтожению: «Уходить не страшно — была такая детская сказочка о том, что за дверью агрегатора каждого ушедшего будет ждать волшебный мир, где много разноцветных, преимущественно зеленых растений, есть пушистые звери, которых можно погладить. И там не надо сдерживать дыхание: потому что вокруг так много драгоценного кислорода. Я, пожалуй, хочу в этот сказочный мир... Ну вот осталось десять минут... Почему-то пришла в голову та история про бога — знаете, в ней ошибка. Это не бог умер вместе с миром — это мир умер,

когда умер бог...» В разных по мастерству (а удачных — много) произведениях подкупает общий посыл: стремление к добру и свету. Бог не должен умереть.

Николай Боровков. Иванов проживал в Ливерпуле. Художник Елена Эргардт. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; Гриф, 2018. — 40 с.

Забавные пятистишия с абсурдным содержанием, с гротесковыми персонажами, часто попадающими в нелепые ситуации. Например, такие: «Егоров, сорвавшись с дуба, / Кричал на прохожего грубо: / „Что сморишь, балда? / Или ты никогда / Не видел, как падают с дуба?“» Или ситуации, типичные для всех времен, но не очень приятные: «Взыскательный житель столицы / Девицу искал, чтоб жениться. / Век быстро промчался, / И бедный скончался, / Не встретив достойной девицы». А в какой век, в какой стране люди не были подвержены маленьким человеческим слабостям? Примеры? «Фрау Кох от душевной тоски / Непрерывно взяла носки. / Как довяжет носок, / Съест индейки кусок — / И садится опять за носок». Или: «Всем известная модница Долли / Обладала большой силой воли: / Больше часа могла / Не смотреть в зеркала — / Вот какая была воля у Долли!» Серьезные люди давно определили жанр озорных пятистиший — лимерики. Когда и как возник этот поэтический жанр, точно не известно, хотя традиционно он связывается с именем английского художника и поэта Эдварда Лира (1812—1888). Но отнюдь не Э. Лир был первым сочинителем лимериков. Пятистишия подобного рода дошли до нас и из XVIII века, и из XVII века. Даже почтенный Фома Аквинский в своем XIII веке баловался лимериками! В Европе они были тем же самым, чем в России частушки — озорной сплав бессмыслицы и здравого смысла. Сам признанный основоположник жанра понятием «лимерик» не пользовался: словари фиксируют это слово лишь в самом конце столетия. Однако его «Книга чепухи» (1846 год) повлияла на творчество многих последователей Э. Лира, а среди них и Льюис Кэрролл, и Беккет, и даже Джон Леннон. В XX веке оригинальные лимерики появились на разных языках, в том числе и у нас. Эта затейливая, умная и тонкая книга создана двумя замечательными авторами. Николай Боровков — известный драматург и режиссер кукольного театра, автор стихов и прозы для детей и взрослых. Елена Эргардт — книжный график, успешно проявивший себя в совершенно разных темах, жанрах и художественных приемах. Лауреат международного конкурса «Образ книги-2018» за ряд книжных работ, в том числе и за книгу лимериков, только появившуюся из печати. Веселые стихи в сопровождении не менее забавных и причудливых иллюстраций, выполненных в изысканной цветовой гамме, составляют одно целое. Внешняя простота лимериков обманчива. Не так все просто с ними. Например, форма. В послесловии поэт, переводчик М. Яснов пишет: «Веселое дело — сочинять лимерики! Всего пять строк, а сколько радости! Лимерик — стихотворение абсурдное, в нем происходят неожиданные, да просто невероятные события. Но построен он по железным законам. В первой строчке появляется персонаж — чудак или чудачка, которые живут в каком-нибудь чудачном, то есть удачном для лимерика, месте. Во второй строчке эти чудачки из чудачного места совершают нечто чуд(ное), чуд(есное), но чаще всего — чуд(овищное): две следующие строки, короткие и колкие, рассказывают о последствиях этих при(чуд)ливых событий, итог которых подчеркивает последняя, пятая строчка. В лимерике очень важно не забыть про размер, графическую форму и, конечно, игровую рифму, на которой, собственно, все держится. Столько маленьких правил на таком крохотном поэтическом пространстве...» Неприятательные на первый взгляд забавные пятистишия имеют и умное содержание, множество вложенных смыслов, неожиданно серьезный подтекст. Иногда совсем беззлобный, насмешливый: «Раз одной непоседливой даме / Довелось побывать в Амстердаме, / И любой разговор / Начинался с тех пор: / „Вот когда я была в Амстердаме...“» Всег-

да ироничный: «Петрухин, родившись актером, / Всю жизнь проработал вахтером, / Но часто бывало, / Он роль генерала / Играл, оставаясь вахтером». А порой и едкий: «Два писателя из Переделкино / Переделали „Повести Белкина“. / На вопрос: „Как же так?!“ / Отвечали „Пустяк! / вышло даже смешней, чем у Белкина“».

Аркадий Виноградов. Сирия без вранья. М.: РИПОЛ классик, 2017. — 218 с. — (Заграница без вранья).

Сирийская тема не сходит с экранов телевизоров. Сирия сегодня — центр военного конфликта на Ближнем Востоке. Но еще недавно была и другая Сирия, безопасная во всех отношениях. Страна, где мирно уживались сунниты и шииты, алавиты и друзы, христиане (православные, католики и протестанты) и евреи. Жили большими семьями в просторных квартирах и домах, обставленных мебелью из натурального дерева. Как правило, в городских квартирах — большой балкон или терраса, где стояли столы и диваны. Вечером там собиралась вся семья насладиться прохладой. Жители деревушки в провинции Дэраа обитали в красивых каменных домах с колоннами и балконами, около каждого дома — бассейн для купания, для полива участка. После смерти Хафеза Асада в стране наметились перемены в лучшую сторону, стало больше демократических свобод. Строились жилые дома, отели, торговые центры, развивались промышленность и наука, выпускаемые по западным лицензиям лекарства стоили дешевле, чем в Европе. О благоустроенной довоенной жизни сирийцев рассказывает Аркадий Виноградов, двадцать пять лет проработавший в Сирии. Он рассказывает о повседневной жизни сирийцев, о национальных праздниках, об особенностях быта, о традициях и о национальных чертах характера сирийцев, людей гостеприимных и жизнерадостных. Разве что несколько непунктуальных и беспечных, зато всегда готовых прийти на помощь. Так, «если ты остановился случайно на дороге около дома, особенно в деревне, то хозяин выйдет из дома, поинтересуется, нет ли каких-либо проблем, и пригласит в дом выпить чашечку кофе или чаю». И не попросит за это заплатить. Это очень живое повествование: встречи, беседы, ситуации и, конечно, люди. А еще — подробный рассказ об истории страны на стыке трех континентов, которая всегда привлекала внимание многочисленных завоевателей, о многочисленных религиозных конфессиях и их представителях, об уникальных памятниках древних государств, христианской и мусульманской культур. И не только всемирно известных, но и тех, о которых долгое время умалчивалось. Сирия открыла двери для международного туризма только в начале нынешнего тысячелетия, индустрия туризма только начала складываться — в туристические маршруты входили несколько основных достопримечательностей, несчетное количество уникальных памятников оставалось недоступно для туристов. За четверть века работы в стране А. Виноградов посетил и известные места, и самые отдаленные уголки Сирии, колыбели цивилизации. Здесь в местечке Эбла был обнаружен древнейший город на земле. В прибрежном городке Угарит, упомянутом во многих древних текстах, нашли глиняный брусочек с первым в истории человечества алфавитом. В Северной Месопотамии (Джазире), «стране тысячи позабытых столиц», где раскопки начались лишь в первой половине XX века, почти под каждым холмом «спит» центр древнего государства. В городе Хама сохранились остатки древней оросительной системы. Между городами Хомс и Хама, в стороне от туристических маршрутов, лежит древняя Апомея, значительно превосходящая по площади Пальмиру. Первые упоминания о Дамаске встречаются в древнеегипетских папирусах еще в XVIII веке до н. э., о Дамаске говорится в Первой книге Ветхого Завета, пятнадцать раз он упоминается в Библии. С Сирией связаны ярчайшие страницы христианской истории. На горе Касьюн, которую опоясывает Дамаск, произошло первое убийство на земле. На месте, где Каин убил своего брата, — часовенка. На ме-

сте первого захоронения в истории человечества выстроена мечеть, в ней — семиметровый саркофаг с прахом Авеля (считается, что рост Авеля был около семи метров). В Дамаске в самой знаменитой мечети мира, мечети Омеядов, в центре огромного зала есть часовенка, где, по преданию, захоронена голова Иоанна Крестителя, с другой стороны мечети — мавзолей знаменитого воина и полководца Салах-ад-Дина, начавшего войну по выдворению с арабских земель рыцарей-крестоносцев. В Дамаске сохранилась церковка, где прятался от преследователей зарождающейся христианской веры новообращенный Павел. Недалеко от Алеппо — базилика и монастырь Святого Симеона Столпника, просидевшего на столбе тридцать семь лет. А. Виноградов побывал в Сирии и после начала войны. Он видел, что случилось с христианскими деревнями Маалюля и Седнайя, где до сих пор говорят на арамейском языке, на котором, по преданию, говорил сам Христос. Разграблены боевиками запрещенной в нашей стране ИГИЛ христианские церкви этих деревень, исчезли сказочные, лепящиеся к скалам домики Маалюли, пострадали древнейшие монастыри. Христианскому миру, да и всему человечеству нанесен невосполнимый ущерб. В заключение автор пишет о том, почему спокойную во всех отношениях страну втянули в гражданскую войну, о ситуации, сложившейся в настоящее время не только в самой Сирии, но и на всем Ближнем Востоке, о том, как развивался конфликт. Ежедневные телевизионные сводки становятся историей.

Гилберт Кийт Честертон. Краткая история Англии и другие произведения 1914—1917: Эссе. СПб.: Лимбус Пресс, 2017. — 400 с.

Гилберт Кийт Честертон (1874—1936), мастер детектива, подаривший читателю отца Брауна, явлен с неожиданной стороны. Представленные в книге работы, написанные в самый разгар Первой мировой войны, на русский язык прежде не переводились: сначала было не до того, а потом, с учетом отношения Честертон к Марксу, и подавно. В Англии их тоже не переиздают: слишком неполиткорректными они сегодня выглядят. Их появление связано с пропагандистской войной, развернувшейся, помимо обычной войны, между Германией и Англией. К ней правительство Великобритании призвало лучшие перья страны: Р. Киплинга, Д. Голсуорси, Т. Гарди, Г. Уэллса, А. Конана Дойла, Г. Честертон. Для привлечения в английскую армию добровольцев, к союзнничеству с Великобританией нейтральных стран требовалось создать привлекательный образ островного государства и негативный — ее врага. На манифест 93 германских интеллектуалов, защищавших честь Германии, Г. Честертон ответил эссе «Варварство Берлина», где выступил против губительных идей, поражающих сознание людей вне зависимости от цвета флагов над их головами. В европейском пожарище он увидел набирающие силу национализм, расизм, пангерманизм. Варвары для него — это те, кто враждебен цивилизации, рушит сложившиеся устои. К новой и бесчеловечной нравственности относит он отрицание принятых государством международных обязательств, когда любые договоренности растворяются перед «необходимостью». В то время как даже дикари держат свои обещания. Он опровергает усомнившихся в том, достаточно ли прилична и демократична Россия, особенно в сравнении с Пруссией, чтобы быть союзником либеральных и цивилизованных держав. Его аргументы: эта цивилизация выжила под гнетом варварства; она — единственная великая нация, которая изгнала монголов из своей страны и продолжила препятствовать их присутствию на ее континенте; Россия единственная из европейских держав никогда не поддерживала Полумесяц против Креста. И она — последовательна в своем поведении, у нее есть определенные и ясные цели и, как минимум, идеалы, ради которых она готова идти на жертвы и будет защищать слабых. «Допустим, эта политика угнетает финнов и поляков — хотя поляки в России угнетены куда меньше, чем поляки в Прус-

сии. Но вот простой исторический факт: даже если Россия и является деспотом для некоторых малых народов, то для других малых народов она освободитель. Она освободила или по крайней мере помогала освобождению сербов и черногорцев. Кого же освободила Пруссия — хоть бы и случайно?» В эссе «Преступления Англии» Честертон предъявил счет правящему классу Англии, обвиняя его в том, что именно Англия помешала Европе положить конец пиратской гордыне Фридриха Великого, позволила Блюхеру утопить победу над Наполеоном в кровавом болоте, дала возможность Бисмарку среди бела дня ограбить миролюбивого датского короля, а прусским головорезам захватить французские провинции. А еще говорил о том, о чем вспоминать не принято в Англии — об истории предательств Шотландии и Ирландии Англией. «И еще мы были абсолютно неправы, когда восхищались бездушным прусским образованием и копировали бездушные прусские законы». О простых англичанах — среднем классе, работягах он всегда писал уважительно. В «Краткой истории Англии» Честертон попытался заново ответить на вопросы: кто такие англичане, от кого они произошли, к чему стремились и во что верили, кто их подлинные друзья и кто их подлинные враги. Временной период — от глубокой древности до начала XX века. И все-таки главным персонажем этой истории является средневековая Англия — страна, с точки зрения автора, не только погубленная и забытая, но еще и оболганная. Именно тогда, в старой «веселой» Англии, жили по-настоящему свободные и ответственные люди. Тогда под коркой средневековой монархии вызрела подлинная демократия: средневековые поселения имели не просто самоуправление, но самоуправление, сложившееся на данном месте по народной инициативе. Цеха ремесленников и гильдии собственников защищали права своих членов. Самыми последовательными и активными радетелями свобод оказывались приходские священники и религиозные братства. Развивалась экономика. Стремление к эстетическому совершенству отражалось в красоте предметов быта. Великая средневековая революция была предана Палатой общин в ходе Реформации. Палата общин подмяла под себя и церковь, и монархию, и толпу. Это единственное уцелевшее из всех средневековых творений породило беспрецедентно могущественную аристократию, правящий класс Англии. В современных конституционных странах, отмечает Честертон, практически нет политических учреждений, созданных народом, — все они лишь получены народом, в средневековые были. Честертон свободно оперирует фактами, событиями многоцветной истории Англии, много внимания уделяет религиозной составляющей в истории Англии, вписывает происходившее в международный контекст, дает парадоксальные оценки реальным историческим лицам, критикует процесс германизации Англии, начавшийся с приходом ганноверской династии. Большое значение придает легендам, мифам, народным преданиям, без которых истории не понять, ибо они — живая память об определенных вещах, сохранившихся в народном сознании. И делает вывод, актуальный на все времена: «Человек, не ведающий своего прошлого, возвращается в него точно так же, как потерявший память совершает действия, руководствуясь подсознанием. Можно сказать, что история повторяет свой путь и — что самое забавное, делает это бессознательно». Код нации.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)